

Одесский характер

АРКАДИЮ ХАСИНУ – 90!

Жизнь этого человека напоминает судьбы героев Джека Лондона и Тура Хейердала. Мама мечтала, чтобы сын стал музыкантом, водила его ребенком до войны в Школу Столярского. А Аркадий мечтал стать моряком, зачитывал до дыр книжки о морских путешествиях.

Так и вышло. Он пришел на флот 16-летним мальчишкой в 1946 году и проработал на судах Черноморского морского пароходства более полувека, от кока-гара до старшего механика.

Хасин был очевидцем становления пароходства, его расцвета и, увы, его развала. А в 25 лет Хасин взялся за перо, писательство стало его второй, после моря, страстью. Он писал о морских судьбах и легендарных судах, о том, что удалось повидать и пережить за долгие годы плавания. Ведь его путешествия были полны увлекательных приключений в далеких морях и встреч с интересными людьми.

Писал не в стол. Рассказы и очерки Аркадия Хасина охотно печатали сначала в ведущих одесских периодических изданиях – «Моряк», «Комсомольская искра», «Вечерняя Одесса», «Большевистское знамя», затем – во всеююзных «Известиях», «Водном транспорте», «Правде». Заметки бывалого мореплавателя читатели ждали с особым нетерпением. Очерки и рассказы складывались в книги, которые стали регулярно выходить в свет с 1972 года большими тиражами.

В 2017 году одесское издательство выпустило солидное двухтомное издание Хасина, итог литературного труда, под названием «Все, кто меня слышит». Лучшие истории, связанные с мореплаванием, легли в основу морского тома – «Море на вкус соленое».

Совершенно иная тематика произведений второго тома – «Возвращение с Голгофы». Эта книга – о том, что довелось испытать и пережить этому жизнерадостному сильному человеку в детстве. Свидетель и очевидец многих знаковых событий, он сохранил не только память о мирной Одессе, о море и морях, но и память об ужасах войны.

На долю семьи Хасиных выпали страшные испытания: фашистская оккупация, гетто, тюрьма, концлагерь, ежедневное пограничное состояние между жизнью и смертью. И детский взгляд на мир через колючую проволоку. Пройдя все ужасы Холокоста, Аркадий Хасин выжил и не сломался, закалившись в боях с жизнью от пережитого.

Ничего не предвещало беды в то лето 41-го. 10-летний Аркадий ждал возвращения из армии старшего брата, служившего в Белоруссии. Последнее письмо от него получили 19 июня... Война. Оборона Одессы. Оккупация. Отец Аркадия не был мобилизован из-за инвалидности. По этой же причине семья не эвакуировалась. Вскоре всех евреев Одессы отправили в гетто на Слободке.

Самые тяжелые воспоминания Аркадия Хасина связаны со смертью отца:

– Отец глубоко верил: немцы – культурная нация, а слухи, что фашисты убивают евреев, считал большевистской пропагандой. В Одессе до войны жило много немцев. Мои родители дружили с двумя немецкими семьями. Это были врачи: хирург Кох, окончивший свои дни на Колыме, – его

обвинили в шпионаже в 37-м; и доктор Гросс, в доме которого мы собирались на Рождество. Советскую власть отец не любил, дважды пострадал не за что. У отца была халвичная фабрика, он считался зажиточным человеком. В двадцатые годы у него все отобрали, да еще посадили, требуя, чтобы он выдал тех, у кого могут храниться ценности, золото. А в 37-ом – посадили по доносу, обвинив немецким шпионом.

Но когда в октябре 41-го Одесса оказалась в оккупации, глава семьи понял, как глубоко он ошибся в отношении немцев и какой страшной опасности подверг семью. Испытания ждали отца и в гетто.

– Отец подружился с неким Ройтманом и доверился ему, что готов отдать все, что имеет, лишь бы выволить семью из гетто. А тот донес коменданту. Помню, как отца увозили на машине трое румын. Когда его вернули, он лишь сказал матери: «Софа, теперь мы – нищие».

Страшной зимой 41-42 года дорогой смерти увозили евреев на расстрелы во рвах Доманевки, Березовки, Мостового... Страшнее всего было в Богдановке. Там не трогали пуль: загоняли евреев в сарай, обливали бензином и сжигали живьем. Семье Хасиных «повезло»: «отъезд» задержался.

– Мы с мамой и сестрой заболели в гетто сыпным тифом. Папа держался, ухаживал за нами. А когда мы выздоровели, тяжело заболел отец и в апреле 1942-го умер. Нас отправили в концлагерь в Карловке в вагонах из-под угля уже летом, когда массовые расстрелы евреев во рвах прекратились. Помню, как нас везут на подводах. Бегут мальчишки, бросают в нас камни. Запомнился по дороге большой рекламный щит – «Концерт Петра Лещенко в кафе-шантан «Северный» в Театральном переулке»...

Жили в бараках, где раньше держали свиней, работали в поле, на строительстве дороги и моста. Охраняли их дезертиры и фашистские прихвостни. Бригадир-полицай, показывая одесскому профессору Сритне-

ру, как полоть, кричал: «Звідки ти взявся на мою голову такий невмілий?». До сих пор помнит бывалый моряк встретившего их в Карловке старшего полицая Дорошенко с плеткой и наганом за поясом и в красноармейской гимнастерке с отпоротыми знаками отличия. Первое, что услышал мальчик, было: «Жиды, я ваш бог!» Полицай упивался своей безграничной властью над несчастными узниками лагеря. Чудом Аркадий избежал виселицы:

– На второй день, когда нас пригнали, Дорошенко, поставив возле себя алюминиевую миску, сказал: «У кого есть золото, немедленно сдать. Найду – повешу». А мне мать зашила в пиджачок два обручальных кольца, свое и отца, с именными надписями «Софочке от Иосифа» и «Иосифу от Софочки». Всех стали обыскивать. Я отошел в сторонку, вырыл ямку, закопал кольца и приметил это место. А когда стемнело, побежал туда. Когда я достал кольца, Дорошенко, наблюдав-

мир не без добрых людей. Приютили соседи, одели, обули, кормили три месяца, пока те не нашли новое жилье.

Обо всем пережитом Аркадий Хасин хотел рассказать сразу после войны. Но с этой темой его отовсюду гнали. Редакторы в один голос твердили: только не об этом. После смерти Сталина Хасин даже написал письмо Илье Эренбургу. Тот ободрил моряка-журналиста, уверив, что эта тема устареть не может, и пожелал успехов в задуманной работе. Так и лежала его рукопись, ожидая своего часа. И только спустя десятилетия Аркадий Хасин описал в книге «Возвращение с Голгофы», как они выжили в этом аду.

– Недавно в Париже, к 75-летию окончания войны открылась выставка «Евреи на фронтах Второй мировой войны». Эта тема у нас тоже умалчивалась, или высмеивалась. Сколько раз я слышал: «евреи никогда не воевали, прятались в Ташкенте, а другие воевали за них».

Так вот эта передвижная выставка свидетельствует о полумиллионе евреев, солдат, офицеров, даже генералов советской армии, которые, наравне с другими народами, сражались с гитлеризмом, внося свой вклад в дело победы. Из Парижа ее перевезут в Берлин и дальше по миру.

Аркадий Иосифович признается: ему многое довелось пережить, в связи с пятой графой, работая в пароходстве. Что скрывать, в Одессе был бытовой антисемитизм.

Чем измеряется прожитая жизнь? У 90-летнего Аркадия Хасина, малолетнего узника гетто и фашистского концлагеря, моряка и писателя, годы жизни неразделимы с Одессой и одеситами. Но случилось так, что в начале двухтысячных по состоянию здоровья ему нужна была серьезная хирургическая операция. Черноморское пароходство к тому времени развалилось. Денег на операцию не хватало. А в Германии ему пообещали сделать ее бесплатно, подлечить жену. Так Аркадий Иосифович с женой оказался в Вормсе, немецком городке с древними еврейскими корнями. Там в 2016 году у Аркадия Хасина вышла книга «Возвращение с Голгофы». Книгу перевели на немецкий язык, а все расходы по изданию книги взял на себя Благотворительный фонд Мемориала памяти убитых евреев Европы в Берлине, находящийся рядом с Рейхстагом. Сделали пышную презентацию.

В Одессе Хасин по-прежнему проводил каждое лето, тосковал по родному городу, несмотря на сытую благополучную немецкую жизнь. И когда в 2019 году супруга Аркадия Иосифовича умерла, он, ни минуты не раздумывая, вернулся в родную Одессу.

Вот такая яркая долгая жизнь настоящего одессита Аркадия Иосифовича Хасина, которую он живет достойно. У него есть миссия в этой жизни – никогда больше не должно повториться то, что довелось пережить ему и его семье. И чтобы никому не удалось переписать, перелицевать историю на свой лад.

– К Международному Дню памяти жертв Холокоста в

Одесском театре «На Чайной» сделали спектакль «Последний вагон». Пригласили меня, предупредив заранее: «Мы не хотим вас шокировать, но один из героев спектакля будет играть.. вас». И вот я сижу в первом ряду и с замиранием сердца думаю: как это будет выглядеть? На сцене разыгрывается трагедия Холокоста, еврейских узников концлагерей, французов, голландцев, немцев... Герои рассказывают свои истории жизни. И смерти. Зал полный. Люди стоят в проходах. И почти в конце спектакля на сцену выходит юноша, представляется Аркадием Хасиным и рассказывает мою историю жизни. Мурашки по коже. Аплодисменты. Меня вызывают на сцену. И я обращаюсь к зрителям.

Признаюсь, в 1945 году, когда закончилась война, я был уверен, что на земле наступил вечный мир. Рвы бабьего Яра, газовые камеры Освенцима, Майданека, других лагерей смерти, построенных немецкими фашистами, миллионы загубленных ими жизней должны были напоминать людям, к чему приводят войны. Но мир продолжает сотрывать вражда, ненависть и жажду истребления «инакомыслящих». Недавно я ехал в трамвае по Одессе и на Среднефонтанской увидел надпись «Холокосту не было». Был, и мои книги – тому свидетельство. Они призывают к добру и взаимопониманию людей. А кому-то хочется затоптать память. Это преступно. Надо быть бдительным, не допустить, чтобы переписали историю, чтобы замалчивали очевидное. После моего выступления меня долго не отпускали, молодые люди устроили овацию, целовали, дарили цветы.

К своему 90-летию Аркадий Иосифович Хасин по заказу Литературного музея, где создан фонд его книг и газетных статей, весной издал новую книгу. Ее презентовали сразу в нескольких музеях и культурных центрах, в том числе, в Музее Холокоста. Но это не последняя, а лишь крайняя его книга. В планах – написать повесть о маме, как она без средств к существованию, в страшных условиях гетто, тюрьмы, лагеря, где каждый день люди умирали от голода и болезни, выжила и спасла его и сестру.

Когда Аркадия Хасина спрашивают, как ему удается в его солидном возрасте сохранять творческую активность, ясность ума, физическую форму и работоспособность, Аркадий Иосифович вспоминает историю с сороконожкой:

– Когда сороконожку спросили, с какой ноги она начинает движение, она задумалась и перестала ходить. Так и я – не задумываюсь. А, как говорят в Одессе, сам на себя удивляюсь.